

Василенко О. И.

[КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА РАСТЕНИЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕРИВАЦИИ ФИТОНИМОВ](#)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/16.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

[Альманах современной науки и образования](#)

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. I. С. 46-48. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ция обозначаемого денотата: первый уровень номинации определяется употреблением субстантива (нарицательные и собственные существительные и субстантивы - заместители существительных) и второй уровень - собственно фразовое обозначение денотата, когда семантика номинации задана и обусловлена придаточной частью (начиная с релята - когда, который, какой...), а грамматический план обозначения включает весь блок «коррелят-релят (придаточной части)». При употреблении местоименно-соотносительных фразовых наименований двойная идентификация не возможна, поскольку местоименный блок задает единичную идентификацию. Можно предположить, что двойная идентификация, лежащая в основе фразовых наименований присубстантивно-атрибутивного типа, носит центростремительный характер по отношению к коммуникации, а именно от денотата к тексту, тогда как местоимение-соотносительный тип связан с центробежной функцией, направленной от текста к денотату, который обозначается дейктически (сравните: тот, кто строил дом = строитель дома), где наблюдается субстантивное свертывание или номинализация; подобная трансформация невозможна в конструкциях типа «Дом, который построил Джек» - дом, построенный Джеком - когда свертывание не ведет к появлению номинализации, происходит свертывание предикации, когда предикативный план становится полупредикативным.

Таким образом, во фразовых наименованиях рассматриваемого нами типа субстантив является элементом константным, базовым. Придаточная же часть берет на себя функции метахарактеризующего начала, т.е. говорящий вносит комментарий в виде признаков названного субстантива. Мы можем предположить проявление ряда метафункций фразовых наименований, образующихся на базе присубстантивно-атрибутивного типа СПП; например: а) полемическая метафункция: Оптимист вовсе не тот человек, который никогда не страдал, а тот, который пережил отчаяние и победил его. (А. Скрябин); б) фатическая метафункция: Дядечка, который все время спит здесь, где сейчас? (В.Сорокин); в) перифрастическая метафункция: Пушкин, как воздух, которым дышишь, проникает во все сферы русской жизни (К. Паустовский) и др.

Вслед за Я.А. Фрикке, мы считаем, что метафункции, которыми обладают фразовые наименования, образующиеся на базе СПП и имеющие центростремительный характер, соотносимы и с присубстантивно-атрибутивным типом в качестве синтаксического наименования, но имеющим распространительно-оценочный характер. Подробнее о метафункциях рассматриваемого типа мы остановимся в следующей статье.

Список использованной литературы

1. Буров А.А. Синтаксические аспекты субстантивной номинации в современном русском языке. В 3 ч - Пятигорск, 1999. - Ч. 2.
2. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М, Наука, 1988.
3. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского языка. - М: Наука, М., 1982.
4. Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения, - М.: Просвещение, 1977.
5. Словарь иностранных слов и выражений/Автор-составитель Е.С. Зенович. - М: ООО Изд-во АСТ: Олимп, 2000.
6. Фрикке Я.А. Фразовая номинация как средство выражения языковой личности автора художественного текста. - Пятигорск: ПГЛУ, 2004.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА РАСТЕНИЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕРИВАЦИИ ФИТОНИМОВ

Василенко О. И.

Уральский государственный педагогический университет

Мир растений - неотъемлемая составляющая окружающей человека действительности. Будучи в прошлом связанными непосредственно с ежедневной деятельностью человека, растения до сих пор мыслятся человеком как значимая для него сфера. Роль данной сферы действительности находит свое отражение и в языке: семантическая общность «растения» является одним из древнейших пластов лексики [Комарова, Хасаншина 2004: 29], активно участвующим в языковой концептуализации различных явлений.

Однако несмотря на значимость сферы растений в целом, осмысление одних явлений растительного мира через другие реализуется в группе фитонимов неравномерно. Такая неравномерность функционирования моделей развития значения обусловлена семантическим потенциалом слов, то есть тех возможностей, которые данное значение предоставляет говорящему для осмысления других ситуаций, а также самого круга «ситуаций разных типов и разной природы, на которые данное слово можно «распространить» [Кустова 2004: 30]. Особенностью семантического потенциала является то, что у каждой языковой единицы он реализуется лишь частично.

Оперирование понятием семантического потенциала слова приводит к необходимости выявления факторов, способствующих реализации того или иного варианта семантического развития лексемы. В самом общем смысле к таким факторам можно отнести степень номинационной потребности (насколько сильна необходимость дать языковое обозначение данному явлению), силу импликации признака (насколько силен признак, лежащий в основе переноса) [Никитин 1988: 69], а также потребность в экспрессивной коннотации (обнаруживаемая в случае, когда между двумя явлениями есть лишь слабое сходство и обозначаемое явление уже имеет имя в системе языка).

Объектом анализа в данной статье являются общенародные фитонимы, употребляемые в производном значении для обозначения других, отличных от обозначаемых в исходном значении, явлений растительного мира. Анализ фитонимов показывает, что такие явления представлены двумя группами: концептуализация элементов растений и концептуализация растений.

1. Растение является источником концептуализации различных элементов растения - плодов, листьев, цветков, семян и т.д.

1) Наиболее характерным для русского языка является концептуализация через растение его плодов. Функционирование данной модели распространяется, в первую очередь, на фруктовые деревья и ягоды.

Фактором, определяющим вероятность реализации семантического варианта «плод растения» является степень номинационной потребности, обусловленная съедобностью плодов (непосредственно или в виде приправы), а также возможностью использования плодов для приготовления чего-либо (блюда, лекарственного препарата).

2) Достаточно распространенной является концептуализация цветка через само растение. Условиями, способствующими переносу названия растения на цветок, являются, во-первых, сила импликации признака, обусловленная особой заметностью, привлекательностью головки цветка: формы (*лилия, орхидея, камелия*), цвета (*одуванчик*), других характеристик (*репейник*), и, во-вторых, степень номинационной потребности, связанная с возможностью использования цветка растения человеком, в основном в качестве лекарственного средства (*ромашка, кипрей*).

3) Концептуализации через растение подвергаются также и другие его части - листья, клубень, зерна, корень, стебель, ветвь. Основным фактором, обуславливающим возможность осмысления части через растение, является степень номинационной потребности, возникающая как результат употребления той или иной части растения в пищу (*картофель, рис, чай, пиеница, кардамон* и т.д.), извлечения из растения какого-либо вещества (*кока*), использования растения для изготовления какого-либо изделия (*лоза, тальник*).

В ряде случаев развитию семантического варианта способствует и сила импликации признака, то есть ситуация, когда часть растения отличается заметностью, необычностью (*трилистник, лопух*).

На языковом уровне концептуализация элементов растения осуществляется при помощи метонимического переноса дифференциальной семы исходного значения 'имеющий плод (цветок, клубень и т.д.)'.

2. Растение может служить источником для концептуализации других растений. Осмысление одного растения через другое возможно благодаря наличию естественных связей между ними - сходства внешнего вида, свойств, места произрастания и т.д., но тем не менее, говоря о случаях, когда фитоним употребляется для обозначения нескольких растений, необходимо разграничить два явления.

А. Случаи обозначения фитонимом разных растений в рамках одного таксона (как правило, речь идет о достаточно "узких" таксонах - вид, род, семейство), например: *сурепица* 1. Культурное растение семейства крестоцветных, из семян которого добывается техническое масло. 2. Сорное полевое растение семейства крестоцветных с желтыми цветками [БАС, т. 14: 1210].

Языковая концептуализация осуществляется при помощи механизма семантического сдвига, в результате которого в производном значении сохраняется та же архисема - 'растение определенного семейства (рода, вида)', но меняется дифференциальная сема. Такая концептуализация обусловлена силой импликации признака, то есть сходством двух растений, в результате чего в основе переноса наименования лежат такие семы, как 'культурное' - 'сорное', 'декоративное' - 'недекоративное', 'съедобное' - 'несъедобное', 'произрастающее на определенной территории'.

В рамках данного явления возможна также концептуализация более узкого или широкого таксона через растение (растение → один вид растения, растение → весь род или семейство). Языковым механизмом является процесс сужения или расширения значения: производное значение приобретает либо утрачивает дифференциальную сему.

Таким образом, исходное и концептуализируемое понятия объединены гипер-гипонимическими отношениями.

Б. Случаи обозначения фитонимом различных растений, не принадлежащих к одному виду, роду, семейству. В основе такой концептуализации не родо-видовые отношения, а метафорическая связь.

Обозначение разных растений при помощи одного наименования - следствие особенностей функционирования народной фитонимики (в отличие от научной номенклатуры, где за каждой единицей строго закреплено индивидуальное название) [Коновалова 2001: 13-14] и народной (обыденной) классификации растений.

Очевидно, что такая народная классификация принципиально отличается от научной таксономии, поскольку объединяет растения не на основе реального родства, а на основе отдельных, зачастую внешних или выявляемых лишь в практической деятельности человека признаков.

Таковыми признаками, лежащими в основе концептуализации (и, соответственно, семами, лежащими в основе метафорического переноса), могут являться следующие:

- цвет: *подбел* 1. Многолетнее лекарственное растение семейства сложноцветных с крупными листьями, покрытыми снизу беловатыми волосками. 2. Многолетнее ядовитое полукустарниковое растение семейства вересковых с листьями, покрытыми снизу беловатым восковым налетом [БАС, т. 10: 236];

- форма: *бергамот*;

- вещество, содержащееся внутри: *молочай*;

- вкус: *перец*;
- цвет + форма стебля: *пролеска*.

В ряде случаев (*терн, плевел, трость, повилика, поганка*) языковая концептуализация осуществляется при помощи языкового механизма расширения значений: в производном значении сохраняется архисема, но утрачивается дифференциальная сема 'растение определенного семейства', например: *плевел* Род однолетних, реже многолетних травянистых растений семейства злаков, отдельные виды которого являются сорняками; вообще сорная трава, растущая среди хлебных злаков [БАС, т. 9: 1360]. Такие случаи семантического варьирования наиболее ярко демонстрируют особенности народного членения растительного мира.

Таким образом, фитонимы участвуют в концептуализации растительного мира не только через прямые наименования, но также и благодаря своему деривационному потенциалу. Такая концептуализация в свою очередь обеспечивает целостность фитонимической языковой картины мира.

Список использованной литературы

1. Комарова З.И., Хасаншина Г.В. Латинизированный семантический метаязык агрономии как способ научной концептуализации и категоризации фрагмента действительности царства растений// Проблемы языковой концептуализации и категоризации действительности: Материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность». - Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2004. - С. 27-43.
2. Коновалова Н.И. Народная фитонимика как фрагмент языковой картины мира. - Екатеринбург: Изд-во Дома учителя, 2001. - 150 с.
3. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. - М.: Языки Славянск. культуры, 2004. - 472 с.
4. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. - М.: Высшая школа, 1988. - 168 с.
5. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1-17. - М., Л.: Изд-во Академии Наук СССР. - 1948.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ КОНЦЕПТ «САГЫШ» (ТОСКА) В ЛЕКСИКО-ДЕРИВАЦИОННЫХ СТРУКТУРАХ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

Василова А. Ш.

Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

В лингвистической литературе проведено достаточно большое количество концептуальных исследований. Концепт предстает как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в сознание человека...» [Степанов 1999: 40-41].

В рамках лингвокультурологического подхода концепт рассматривается как ментальная сущность, несущая на себе отпечаток духовного облика человека определенной культуры. В сжатом виде он содержит многочисленные сведения о предмете, которые известны данному конкретному человеку, благодаря его предыдущему опыту, и которые относятся к различным областям жизни человека.

Цель данного исследования - показать вербализацию лингвокультурного концепта «сагыш» (тоска) в лексико-деривационных структурах татарского языка.

По мнению Ю.С.Степанова, изучение всякого концепта предполагает установление этимологии обозначающего его знака [Степанов 1997: 44-45]. Использование метода этимологического анализа позволяет изучать сущность концепта в диахронии. Этимологические данные важны, поскольку они обнажают сам механизм формирования того/ иного концепта, его первые шаги в вербально-когнитивном поле культуры.

Ключевой лексемой анализируемого концепта является *сагыш*, в свою очередь восходящая к слову *сагыну*.

Р.Г.Ахметьянов при определении этимологии слова *сагыш*, *сагыну* выделяет древнетюркскую глагольную основу *сак-* / *сагы-* 'думать' (уйлау) [Ахметьянов 2001: 167], с этой же основой он связывает слова *сан* 'число, численность; имя числительное; уважение' и *санау* 'считать, думать' (там же, 170). Так, если рассматривать конкретнее, в современных словарях зафиксированы следующие фонетические варианты лексем: тат. *сагыш* 'тоска, грусть, кручина', *сагыну* 'тосковать, скучать, соскучиться'; в диалектах татарского языка имеется значение этого же слова 'вспоминать' и *сагышлау* 'думать, заботиться' [ТТДС 1993: 260], башк. *һагыну* 'скучать, соскучиться, тосковать', *һагыш* 'тоска, грусть', к.-балк. *сагыш* 1) 'дума, размышление, раздумье'; *сагыш этерге керекди* 'надо подумать'; 2) 'забота'; кирг. *сагыныч*, *сарсана*, *санаа* 'тоска', к.-калп. *сагыныу* 'скучать', *тууган елин сагыныу* 'тоска по родине' узб. *согиниш* / *сикилиш* 'тоска', куман. *сагыныч*, *сагыныв*, *сагыш*; *ватанын сагыныв* 'тоска по родине'; хак. *сагыс* 'тоска', тув. *сарын* 'тоска, томление тревога', алт. *санаар* 'тосковать'; азерб. *сыхынты* 'тоска'; тур. *sikinti* 1) 'тоска, скука, грусть, томление, огорчение'; 2) 'стеснение, стесненное, затруднительное, бедственное положение, невзгоды'; 3) 'предчувствие, беспокойство'; *sikiniç* 'нужда, лишения'; чув. *салху* / *савху* 1) 'тоска, скука, печаль, уныние'; 2) 'пассивный, ненастный, хмурый, мрачный'; якут. *санаа*- 1) 'думать, подумать, задумать'; 2) 'желать, пожелать'; 3) *в сочет. с посл. кэриэтэ (словно, будто, как)* считать кем-л.; *санаа-оноо* 'грусть, печаль; горести; печальные горестные мысли'; *санааргаа*- 'грустить; печалиться; скорбеть, горевать'.

В.В.Радловым зафиксировано несколько фонетических вариантов: уйг., шор., лебедин, сагай., койбаль., качин., коман., кирг., караим. *сагын-* 'думать, подумать, обдумать, скучать, тосковать', кирг. *сагыныс*, уйг.